

Обаятельный образъ Императора Александра I не объясненъ вполне до сихъ поръ исторіей, но съ его именемъ неразрывно связаны событія, происходившія въ Европѣ съ 1805 по 1815 г. Кульминаціонной точкой поклоненія Европы предъ Самодержцемъ Россіи было время послѣ конгрессовъ въ Вѣнѣ, Лайбахѣ, Веронѣ и посѣщенія Государемъ Лондона. При возвращеніи Александра на всемъ пути его слѣдованія по странамъ, имъ умиротвореннымъ и возстановленнымъ въ прежнихъ границахъ, Вѣнценосца осѣняли триумфальныя арки съ надписью: „**Александръ Благословенному**“.

Но когда пришла въ Москву вѣсть о переходѣ Наполеономъ нашей границы, „то первопрестольная столица, говоритъ Г. П. Данилевскій, въ романѣ „Сожженная Москва“, заволновалась, какъ старый улей пчелъ, по которому ударили обухомъ. Чернь толпилась на базарахъ и у кабаковъ. Заговорили о народномъ ополченіи. Первые московскіе бары и богачи, графы Мамоновъ и Салтыковъ, объявили о снаряженіи на свой счетъ двухъ полковъ“.

Императоръ Александръ 18 іюля писалъ командующему дунайской арміей адмиралу Чичагову, что образованія ополченій „превзошли Мои ожиданія. Смоленскъ Мнѣ далъ 15.000 чел., Москва — 80.000, Калуга — 23.000. Каждый часъ Я ожидаю донесеній изъ другихъ губерній“. Напримѣръ, петербургскіе ополченцы были обучены всѣмъ фронтовымъ приемамъ въ пять дней—и достигли такихъ успѣховъ, что на присутствовавшего при ихъ ученіи англійскаго военнаго агента они произвели впечатлѣніе настоящей арміи, „выросшей изъ земли“. Все ополченіе составило 208.662 ратника.

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, переименованный 29 мая 1812 г.

Осторожнаго и медлительнаго Барклая-де-Толли, своими отступленіями увлекавшаго Наполеона въ глубь страны, считали измѣнникомъ. Нѣкоторые презрительно переименовывали его фамилію: „Болтай да и только“, а въ его соперникъ Багратионъ желали видѣть настоящаго вождя и спасителя родины: „Богъ-рати-онъ“. Назначеніе главнокомандующимъ всѣхъ армій Кутузова было встрѣчено общимъ одобреніемъ. Когда же послѣ Бородинской битвы французы заняли Москву, Ростопчинъ выѣхалъ изъ нея, зажегъ свой загородный домъ, а также и другой въ селѣ Вороновѣ, не желая оставлять ихъ въ рукахъ враговъ. То же сдѣлалъ извѣстный патріотъ и писатель Сергій Николаевичъ Глинка, который сжегъ всю свою бібліотеку французскихъ книгъ, а изъ 300 тысячъ, полученныхъ отъ Ростопчина на возбужденіе крестьянъ противъ враговъ, вернулъ всю сумму, истративъ изъ нея 15 рублей на покупку рукавицъ и тулупа крестьянину, отдавшему своего сына въ рекруты. Карамзинъ писалъ Дмитріеву изъ Нижняго: „Вся моя бібліотека обратилась въ пепель, но „Исторія цѣла“...“

Русскій юморъ на французовъ и Наполеона выразился ярко въ карикатурахъ Теребенева, ходившихъ по рукамъ.

Портретная галерея генераловъ 1812 г.
въ Зимнемъ Дворцѣ.

въ генералы-отъ-инфантеріи, былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву. Превосходныя его дѣйствія вполне оправдали это назначеніе, и самъ графъ сдѣлалъ потомъ, подъ своимъ портретомъ, подпись:

„Онъ въ Москвѣ родился
И ей пригодился“.

Воззванія гр. Ростопчина къ народу, извѣстныя подъ именемъ „афишъ“, производили необычайное впечатлѣніе и бодрили народъ. „Это мастеръ своего дѣла“,— сказалъ Императоръ Александръ I, прочитавъ одну изъ первыхъ афишъ графа, и пожаловалъ ему свои вензеля на эполеты.